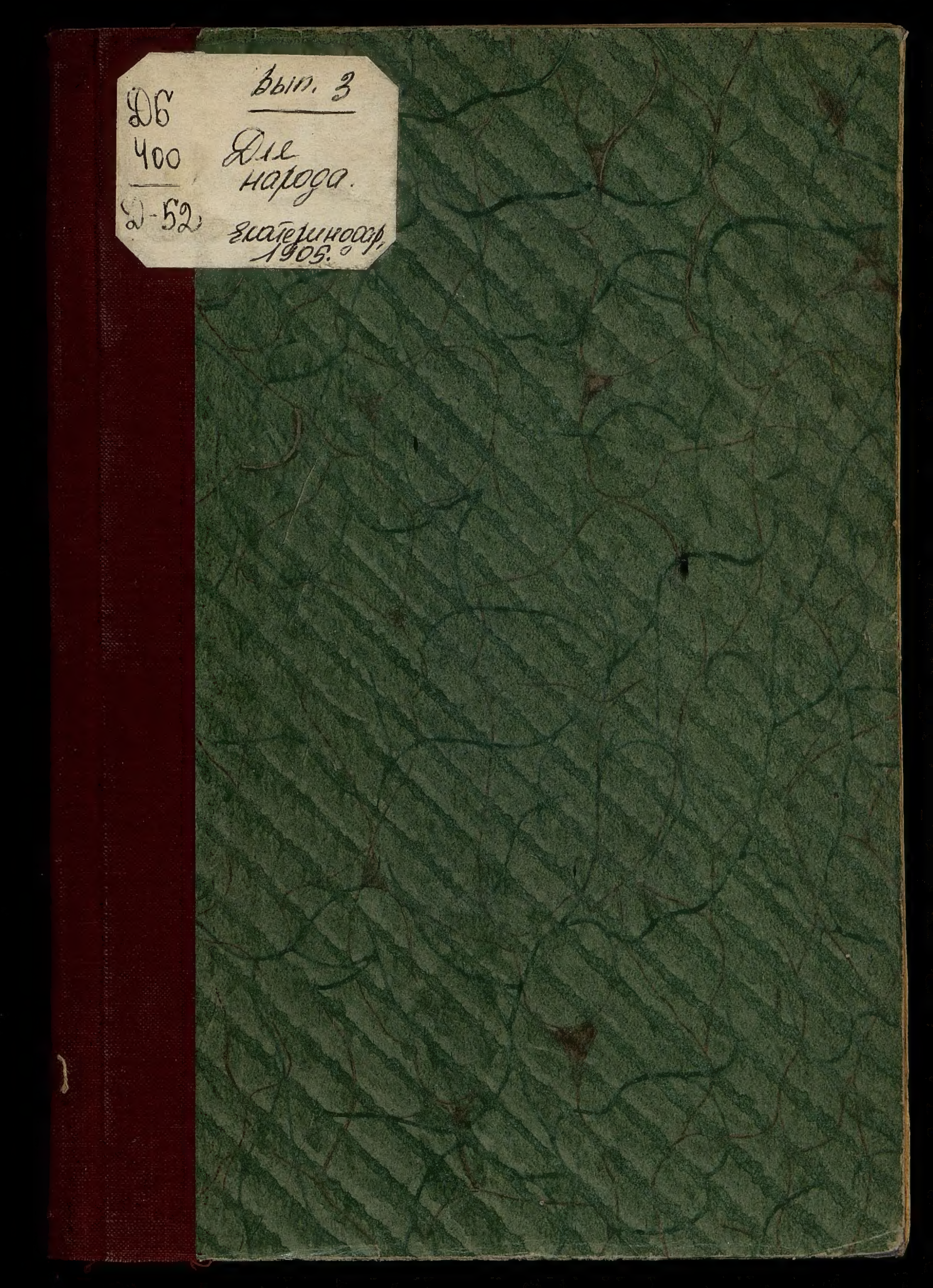

Дб
400
Д-52
вып. 3
Для
народа.
Екатеринодар,
1905.

Выпускъ 3-й.

ДЛЯ НАРОДА

БЕЗПЛАТНАЯ БРОШЮРА.

Напечатано съ разрѣшенія Начальства.

ЕКАТЕРИНОДАРЪ.
ТИПОГРАФІЯ „ОСНОВА".
1905.

Воззваніе къ населенію.

(Взято изъ газеты „Приаз. Край“).

«Граждане! Высочайшій манифестъ 17 октября принесъ намъ великую радость. Въ Манифестѣ сказано, что всѣмъ гражданамъ Россіи будетъ дана свобода слова, свобода совѣсти, свобода собраній и союзовъ. Свобода слова означаетъ, что теперь каждый можетъ по совѣсти говорить все, что онъ думаетъ,—говорить о непорядкахъ, которые онъ видитъ въ жизни, о томъ, какъ исправить эти непорядки, какъ устроить русское государство такъ, чтобы всѣмъ жителямъ его жилось просторно и привольно въ широкой Русской землѣ. Еще недавно каждый боялся говорить, говорилъ шопотомъ на ухо то, о чемъ болѣло его сердце, боялся, не услышитъ-ли начальство, не прогнѣвается-ли за это слово. Теперь каждый можетъ говорить, что ему угодно, не справляясь о томъ, угодно ли это начальству, или неугодно, слушаясь не его велѣній, а только своей совѣсти, своего разума. Только вотъ чего нельзя и при новомъ законѣ: нельзя ругать человѣка въ лицо, нельзя распускать про другого неправду, отъ которой человѣку обидно, которая вредитъ ему, нельзя подговаривать другихъ на буйство, на кражу, на разбой, на поджогъ, на убійство, на какое нибудь другое преступленіе. На это попрежнему будетъ судъ, потому что никакіе законы не позволяютъ этого. А кромѣ этого можно все говорить свободно. Въ этомъ и есть свобода слова. Чтобы народу было легче разговаривать промежду себя, о своихъ дѣлахъ, въ томъ-же Манифестѣ объ-

явлена и свобода собраній. Прежде на всякое собраніе нужно было испрашивать разрѣшеніе начальства, и начальство могло разрѣшить или не разрѣшить собранія, смотря по тому, нравилось это начальству или нѣтъ. Если же собраніе собиралось безъ его разрѣшенія, оно, начальство, могло разгонять собраніе и разгоняло силою. Это потому, что прежде не было свободы собраній. Теперь же скоро будетъ отмѣненъ такой порядокъ, послѣ чего не будетъ требоваться никакихъ разрѣшеній для устройства собраній, или, какъ иногда называютъ, «митинговъ»; тогда никто уже не запретитъ народу собираться когда и гдѣ угодно и обсуждать свои дѣла, лишь бы не было скандаловъ, драки, насилій однихъ надъ другими. Сколько головъ, столько умовъ, у всякаго свои нужды, свои желанія, и кто не позволяетъ другимъ говорить, что имъ угодно объ ихъ нуждахъ и желаніяхъ, тотъ не уважаетъ свободы слова, тотъ нарушаетъ законъ. Вотъ что такое свобода собраній. Кромѣ того, народу будетъ дана свобода союзовъ. Это тоже большее облегченіе жизни народа. Союзами называются всякія артели, устраиваемыя для разныхъ дѣлъ, всякія «общества». Прежде нельзя было завести никакой артели и никакого общества безъ разрѣшенія начальства, а теперь будетъ можно. Теперь нельзя только устраивать артели и общества для буйства, воровства, грабежа, убійства, для всякихъ насилій и преступленій. Потомъ въ Манифестѣ сказано, что теперь законы будутъ издаваться только такіе которые будутъ одобрены Государственной Думой.

А въ Государственной Думѣ будутъ засѣдать только такіе люди, которыхъ выберетъ самъ народъ, все населеніе. Если народъ выберетъ въ Государственную Думу хорошихъ людей, то и законы будутъ хорошіе. Вотъ поэтому то народъ такъ и обрадовался Манифесту! Нехорошо только, что теперь, когда всѣ должны радоваться, въ народѣ есть темные люди, которые подговариваютъ народъ на буйство и разгромы. Одни призываютъ къ избіенію своихъ братьевъ, другіе къ избіенію иновѣрцевъ. Нѣкоторые даже думаютъ, что они поступаютъ правильно, и что инородцевъ будто бы разрѣшено бить, а на самомъ дѣлѣ эти люди, призывающіе къ насилію надъ кѣмъ бы то ни было, и есть первые бунтовщики противъ новаго закона, объявленнаго въ Высочайшемъ Манифестѣ. По новому закону, всѣ люди, живущіе въ нашей землѣ, равны, люди всѣхъ національностей и вѣроисповѣданій приглашаются къ выборамъ въ Государственную Думу, народъ призывается не къ насиліямъ, а къ миру и спокойствію. Есть и такіе, которые думаютъ, что они стараются для Бога, когда призываютъ къ избіенію людей другой вѣры и другихъ убѣжденій. Они забыли, что Христосъ завѣщалъ людямъ любовь, а не злобу и ненависть; въ Свящ. Писаніи сказано: что для Бога не было эллиновъ и іудеевъ, а всѣ люди передъ Нимъ одинаковы и всѣ люди по завѣту Его должны любить другъ друга. Значитъ, всякій, кто призываетъ къ насилію надъ кѣмъ бы то ни было,—есть бунтовщикъ противъ новаго закона и великій грѣшникъ передъ Богомъ

и людьми. И нужно опять таки помнить, что и при новомъ законѣ каждое насиліе, убійство, погромъ, будутъ наказываться судомъ не менѣе строго, чѣмъ въ прежнее время. Поэтому мы и обращаемся ко всѣмъ людямъ, у которыхъ есть разумъ въ головѣ и правда въ сердцѣ, чтобы они образумили тѣхъ, кто призываетъ къ насиліямъ. Объявляйте всѣмъ, что на это дурное дѣло подбиваютъ народъ тѣ, кто хочетъ поживиться чужимъ добромъ, люди или дурные и вредные, или люди темные. Во истину, темные»!

Божія власть и самовластіе человѣческое.

(Взято изъ газеты „Русское Слово").

Проснулся 18-го октября рано утромъ. Гляжу: на углу сосѣдняго дома наклеенъ какой-то листъ. Большая толпа читаетъ. Одни прочтутъ,—уходятъ. На смѣну имъ новые, другіе. Что такое? Иду, читаю и глазамъ не вѣрю. Сердце забилось. Строчки прыгаютъ въ глазахъ. Думаю, мерещится. Читаю снова,—тоже самое:

—Свобода.

—Свобода слова.

—Свобода собраній.

—Свобода союзовъ.

—Свобода личности. Неприкосновенность, т.-е. никакое начальство, хотъ самое большое, судьбою человѣка самаго маленькаго *по своей волѣ* распоряжатся не можетъ, Только по закону.

—Господи,—думаю.—Что же это? Неужели добились желаннаго? Неужели конецъ страшному былому? Неужели начало новой жизни?

Неужели теперь заботы о казнѣ можно будетъ замѣнить заботами о народѣ? То все думали, какъ бы съ народа больше податей взять, какъ бы новыми налогами что-нибудь еще обложить, а теперь, выходитъ, можно будетъ иныя рѣчи повести. Можно будетъ свободно и всенародно крестьянскую нужду и тяготы рабочихъ, бездолье всѣхъ трудящихся на площадь, на глаза всего міра вынести.

—Смотрите, люди честные! Можно-ли такъ жить? Заѣздили трудящихся людей. Народъ, крестьянство, рабочіе, всѣ люди труда были, что почтовая кляча. Всѣ на трудѣ народномъ ѣздили. И только понукали да кнутомъ нохлестывали:

—Торопись! Пошевеливайся!

Тяжелое, скорбное время было. Много и многимъ приходилось терпѣть обидъ, выносить неправду, мириться съ безправіемъ. Дай Богъ скорѣе забыть. Счистить съ жизни старый гной. Залѣчить вѣковыя язвы.

И какъ все это просто, какъ скоро вдругъ мѣняется! Напечатали *двѣ* строчки. Объявили въ законѣ восемь новыхъ словъ, и Россія новою стала. Вся русская народная жизнь, какъ чудодѣйственною палочкою, на новую дорогу повернула. А на этой дорогѣ впереди видится такая свѣтлая жизнь для Россіи, что сейчасъ трудно и загадывать. Отъ свѣта глаза слѣпитъ. Какъ, вотъ, слѣпитъ, когда на солнце смотришъ. То, бывало, ѣздишъ за границей, по Франціи, Германіи, Австріи и Италіи и только сердцемъ терзаешься. Думаешь:

—Есть же человѣческая жизнь. Живутъ

люди и сытно, и мирно. Никто здѣсь мужика не бьетъ, рабочаго въ зубы не тычетъ, никого нагайками не хлещутъ, а порядокъ вездѣ есть, да еще какой! Все устроено. И люди на этомъ еще не успокоились. А дальше идутъ. Все новыхъ и новыхъ улучшеній жизни ищутъ. Кто что разумное, болѣе справедливое надумалъ,—громко вслухъ всѣмъ заявляетъ, свободно на всю страну печатаетъ. Разумъ и совѣсть ничьи не таятся. Открыто заявляютъ о себѣ. А если кто ошибется, несуразное что предложитъ,—другіе сейчасъ спокойно разсудятъ, разъяснятъ, поправку сдѣлаютъ. Все сообща, общимъ свободнымъ народнымъ умомъ рѣшается.

—А у насъ-то?—вспомнишь, бывало, на чужбинѣ родину. И сердце защемитъ.—Царство молчанія. Живи, какъ приказано, и разсуждать не смѣй. Не говори, а слушай. Слушай и не ропщи. Будешь роптать,—въ неблагонадежные запишутъ, въ смутѣ обвинятъ. Всѣ должны быть всѣмъ довольны и не новаго искать, а за старое крѣпко держаться. Старое-то давно вылиняло, сгнило, молью проѣдено. Однѣ дыры остались. А ты держись. Новое строго запрещено. И сидѣла вся Россія подъ замкомъ взаперти. Задыхалась въ духотѣ. Плѣсневѣла въ сырости и въ потемкахъ.

И вотъ, слава Богу, окна открылись. Всѣ двери настежь. Сразу и дышать легче стало. И свѣту много кругомъ. И солнце новой жизни такъ ярко загорѣлось впереди, что прямо духъ захватываетъ. И все это отъ двухъ строчекъ, отъ восьми словъ:

—Свобода слова, свобода собраній, свобода

союзовъ, свобода личности.

Но почему же тогда эти слова не были введены въ законъ ранѣе? Почему они, радуя и суля Россіи благо въ будущемъ, были до послѣднихъ дней какимъ-то страшилищемъ, считались преступными? Требованіе ихъ признавалось бунтомъ. За разъясненіе ихъ строго карали на основаніи старыхъ законовъ. И такъ этими карами за слова о свободѣ напугали воображеніе народа, что темнымъ людямъ, забитому народу, освобожденіе его отъ забитости, улучшеніе его жизни, освобожденіе отъ насилій надъ нимъ, отъ невыносимаго безправія, тоже стало казаться страшилищемъ. Свобода стала рисоваться пугаломъ, Бабой-Ягою. И испугъ этотъ, боязнь свободы все еще не прошли. Свобода многимъ все еще представляется какимъ-то разрывнымъ, разрушительнымъ, адской силы снарядомъ, съ которымъ надо обращаться какъ можно осторожнѣе, а еще лучше—отойти совсѣмъ въ сторонку.

Подобная боязнь свободы, страхи, будто свобода народа, освобожденіе его соединены всегда съ братскою рѣзнею, съ потоками крови,—большое недоразумѣніе, печальное заблужденіе. Пролитіе крови, къ сожалѣнію, бывало и бываетъ. И, вѣроятно, къ тяжкому горю, не разъ еще и будетъ.

При рожденіи народной свободы, дѣйствительно, дѣло не обходилось и необходится безъ крови. Вошло, какъ будто, въ обыкновеніе. Считается словно чѣмъ-то неизбѣжнымъ. Французскій писатель Викторъ Гюго даже какъ бы въ законъ возвелъ. Сказалъ:

—Когда рождается ребенокъ, всегда бываетъ кровь. Какъ вы хотите, чтобы не было крови, когда рождается свобода цѣлаго народа?

Эти слова Виктора Гюго не значатъ еще ничего. Великій французскій поэтъ Гюго, любилъ громкія слова, и слово о кровавомъ рожденіи свободы сказалъ, конечно, больше для красоты рѣчи.

Свобода народа сама по себѣ, по природѣ своей, отнюдь не связана непремѣнно съ кровью, съ пролитіемъ ея, съ братскою рѣзнею. Сама по себѣ свобода идетъ въ царственномъ *бѣлоснѣжномъ* одѣяніи. Въ рукахъ ея пальмовыя вѣтви мира и цвѣты общаго народнаго счастья. На устахъ ликующая пѣснь:

—Осанна! Осанна грядущимъ правамъ обездоленныхъ! Осанна мирному труду строителей блага народнаго!

И кровь на пути свободы, растерзанные озвѣрѣлою братскою рукою трупы—не есть требованіе свободы. Не есть непремѣнное условіе свободнаго будущаго. Это—мрачное, проклятое наслѣдіе рабскаго прошлаго.

Озлобились люди за долгіе вѣка разобщенія, когда одни угнетали, а другіе были угнетаемы. Изъ людей другъ противъ друга звѣрями стали. Не способны спокойно между собою договориться. Лежавшіе прежде внизу сидѣвшимъ надъ ними не вѣрятъ. Сидѣвшіе прежде вверху лежавшихъ долго подъ ними боятся.

Въ томъ и ужасъ рабства, въ томъ проклятіе его, что оно вытравляетъ и у рабовъ, и у поработителей человѣческія чувства. Въ поработителяхъ притупляетъ чувства человѣчно-

сти, чувства состраданія, сочувствіе къ участи порабощенныхъ. Въ порабощенныхъ раздражаются чувства звѣрской злобы, будится жажда мщенія.

Сидящіе наверху чувствуютъ себя прекрасно. Живется имъ хорошо, во всякомъ случаѣ, сносно. Они и думаютъ: «стало быть, и все въ жизни хорошо». Тяготу, безвыходность положенія живущихъ подъ ними они не въ состояніи остро перечувствовать, ясно сознать. Поэтъ Жемчужниковъ прекрасно сказалъ:

„Уподобляемся мы, баловни судьбы,“
„Надъ грязью дольнею стоящимъ на помостѣ,“
„Но снизу бережно насъ держатъ не столбы,“
„А мышцы рукъ людскихъ и спинъ согбенныхъ кости.“
„Порой до нашей высоты доходитъ тяжкій вздохъ,“
„Какъ будто кто-то тамъ, въ подпольѣ, тяжко дышитъ,“
„Но современникъ нашъ умышленно оглохъ,“
„Иль кажется ему, что гулъ веселья слышитъ.“

Тутъ и приходится вести борьбу съ глухотою сердца однихъ и нѣмотой души другихъ. Одни не слышали, другимъ запрещалось говорить.

«Шума чтобъ не было»,
«Безпокойствъ не заводилось».

Борьба съ глухотой сердца обласканныхъ судьбою, у которыхъ отъ сытости какъ бы жиромъ заплывали уши, могла вестись и велась двумя способами. Нужно было или кричать громко. Такъ, чтобы и сквозь жиръ было слышно. Не словами, а кулакомъ стучать въ

слуховую перепонку. А можно было и другимъ способомъ дѣйствовать. Влiять на душу «стоящихъ на помостѣ», смягчать жестокость ихъ сердца, растапливать осѣвшiй на нихъ жиръ, который мѣшаетъ слышать подавленные, глухiе вздохи подполья.

Самый вѣрный, лучшiй и чистый способъ лѣченiя глухоты, конечно, послѣднiй. Тутъ сквозь жиръ сытости добираются до живой души немногихъ счастливцевъ. Стучатся имъ въ совѣсть словомъ Божiей правды. Будятъ въ нихъ *человѣка*. Говорятъ имъ:

— Подумайте о людяхъ подъ вами. Каждый изъ нихъ—тоже человѣкъ. Помогите ему стать дѣйствительнымъ *человѣкомъ*. Дайте ему возможность жить по-человѣчески. Научите по-человѣчески думать, по-человѣчески чувствовать. Высвободите въ немъ человѣка изъ-подъ скотскаго существованiя.

Этимъ способомъ русскiе писатели и лѣчили жировую глухоту души «стоящихъ на помостѣ». Они будили въ людяхъ добрыя чувства. Говорили о стыдѣ угнетенiя меньшихъ братiй. Требовали признанiя человѣческихъ правъ за всѣми сословiями русскаго народа. Писали, что преступно немногимъ жить въ довольствѣ, когда кругомъ миллiоны изнываютъ въ нуждѣ и въ безправьѣ.

Такъ, еще болѣе ста лѣтъ тому назадъ Александръ Радищевъ, извѣстный писатель временъ Екатерины Второй, въ 1790 году въ своемъ сочиненiи „Путешествiе изъ Петербурга въ Москву“ писалъ:

„Я взглянулъ окрестъ меня, и душа моя

страданіями человѣческими уязвлена была“.

Слово горькой правды А. Радищева о безправьѣ народа раздражило власти. Призывъ имъ общества и правительства къ стыду, копанье правдою Божіей въ оплывшей жиромъ совѣсти было непріятно «баловнямъ судьбы». Заступникъ за народъ, Радищевъ былъ обвиненъ въ страшныхъ преступленіяхъ. Въ томъ, что, будто бы, книга Радищева «наполнена самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, стремящимися произвести въ народѣ негодованіе противу начальства», и т. д., и т. д. Преступленія эти состояли въ томъ, что А. Радищевъ требовалъ освобожденія крѣпостныхъ и говорилъ, что правительство существуетъ для народа, а не наоборотъ, и что права и правда по закону должны быть даны всѣмъ, а не избранному меньшинству. За эти мысли А. Радищевъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Потомъ казнь отмѣнили, по случаю заключенія мира со Швеціей, и замѣнили ссылкой въ Сибирь «на десятилѣтнее безысхододное пребываніе».

Выходило, что служеніе правдѣ народной было мученичествомъ. Требовало подвига. Но подвигъ не пугалъ. Напротивъ, только сильнѣе привлекалъ благородныхъ людей. При Радищевѣ же былъ другой печальникъ обездоленныхъ милліоновъ народа—писатель Николай Ивановичъ Новиковъ. Онъ издавалъ журналы, писалъ книги. То стыдилъ равнодушныхъ къ благу народному насмѣшками, то указывалъ на высокіе примѣры друзей народа въ другихъ странахъ. Н. И. Новиковъ требовалъ отмѣны

крѣпостного права, старался просвѣщать народъ. Заводилъ школы, библіотеки, печаталъ полезныя книги.

Конецъ былъ печальный. Новиковъ, такъ же, какъ и Радищевъ, былъ приговоренъ къ «нещадной казни». Казнь была замѣнена тяжкимъ заключеніемъ въ крѣпости, откуда Новиковъ впослѣдствіи былъ выпущенъ «дряхлъ, старъ, согбенъ».

Много тутъ требуется вѣры въ силу добра и правды, стойкая въ любви нужна душа, чтобы не раздражаться этими вѣчными гоненіями и насиліемъ, не потерять надежду на мирное рѣшеніе вопроса о народной свободѣ, остаться вѣрнымъ своему рѣшенію: дѣйствовать только убѣжденіемъ. Очень ужъ толстокожая слуховая перепонка у души «довольныхъ жизнью» и очень еще пока слабо слово добраго вліянія печальниковъ нужды и безправья народнаго.

Не умѣемъ мы сильно, огненно говорить. Жиръ глухоты духовной отъ нашихъ словъ не таетъ. Стыдъ за свою глухоту души въ черствыхъ людяхъ не просыпается. Не отзываются они на нужды и горе обездоленныхъ. Мы и раздражаемся. Раздражаются и другіе печальники о народѣ.

Времени нѣтъ терпѣть. Боль угнетенія все острѣе. Скораго рѣшенія близко не видится. Подымается злоба. И люди говорятъ:

— Миромъ, видно, не дождешься. Добромъ человѣческихъ правъ не получишь. Приходится силой отнимать.

И тогда начинается уже борьба кровавая за свободу. Права народа скрыты въ глухомъ

ящикѣ, за толстою стѣною; заперты тяжелымъ замкомъ. Имѣющіе ключъ отпирать не хотятъ. Жаждущіе свободы начинаютъ ломать. Готовы кулаками крушить и зубами грызть преграды къ свободѣ. Слова убѣжденія замѣняются дѣлами разрушенія. Рушатъ стѣну тюрьмы, разбиваютъ рѣшетки, срываютъ замки.

И тогда что остается людямъ мира, противниками крови, ненавистникамъ насилія *съ чьей бы то ни было стороны?* Отойти въ сторону и молчать? Спокойно смотрѣть, какъ страсти разгораются, какъ злоба охватываетъ новыхъ и новыхъ людей, какъ кровавое пожарище бушуетъ по всей странѣ?

Невозможно. Какъ будешь молчать, когда земля стонетъ отъ ужасовъ, которые творятся на ней? Говорить? Но кому говорить и что? Рвущимъ цѣпи и ломающимъ замки?

Что вы имъ скажете? Скажете:

— Оставайтесь спокойны. Сидите смирно. Терпите.

Развѣ такіе рѣчи не будутъ насмѣшкой, издѣвательствомъ надъ замурованной правдой, надъ скованной народной волей?

Кому же тогда говорить? Въ чью сторону? Въ сторону держащихъ ключи власти. Защитники власти всегда приводили древнюю заповѣдь:

— Чти отца твоего!

И заповѣдь толковали:

— Подъ отцемъ разумѣется и родитель, и пастырь духовный, и начальство, правитель.

Вѣрно. Но правда Божія говоритъ не однимъ. Говоритъ всѣмъ. Словами апостола она учитъ:

— „Отцы не раздражайте чадъ своихъ!"

— Властители, не раздражайте свой народъ. Не сѣйте ненависть и злобу. Вносите миръ, успокоеніе. Не стойте спиной къ нуждамъ народа. Не смотрите сверху, *свысока* на требованіи обездоленныхъ рабочихъ рукъ. Идите имъ навстрѣчу. Это—вашъ долгъ. Ваша обязанность.

Въ Библіи сказано, что когда евреи изъ тяжелаго рабства египетскаго шли въ обѣтованную землю Ханаанскую,—впереди ихъ двигался столбъ. Днемъ облачный. Ночью огненный. Онъ указывалъ путь, куда итти.

Каждый народъ изъ рабства тяжелой жизни рвется къ свѣтлой, благословенной Богомъ, радостной жизни. Каждый народъ, живя на Божьемъ свѣтѣ вѣка, идетъ въ своей жизни къ своему Ханаану. Благодатная, обѣтованная Богомъ жизнь впереди и у насъ, у русскаго народа. Намъ до нашего русскаго Ханаана надо еще далеко итти. И правительство тутъ должно быть путеводнымъ облакомъ.

Пусть народъ, предположимъ, даже и не знаетъ дороги, кругомъ тьма, непроглядная ночь. Правительство должно ярко горѣть, свѣтиться огнемъ правды Божіей. Оно не ждать должно, когда народъ потребуетъ своихъ правъ. Оно Богомъ обязано само давать. Оно на то и поставлено. Когда правительство во всемъ подчиняется Божіей правдѣ, этой правдѣ служитъ и къ ней ведетъ страну. Тогда только оно и Божія власть. Иначе, если правительство само правдѣ Божіей не служитъ, но требуетъ угожденія себѣ, оно—не власть Божія, а самовластіе человѣческое.

И когда правительство станетъ властью дѣйствительно, отъ Бога,—тогда въ государствѣ не будетъ и рѣчи объ угнетеніи кого бы то ни было. Тогда народу не придетъ въ голову поднимать борбу за свою свободу. Не будетъ и рѣчи о крови. Власть отъ Бога, Богомъ водимая, сама поведетъ свой народъ впередъ. Все ближе и ближе къ свѣту, къ правдѣ, къ общему братству. И народъ восторженно пойдетъ за такою властью. Будетъ благословлять ее.

Да пріидетъ эта власть отъ Бога на смѣну былому у насъ самовластію людскому. И да будетъ воля Божія, какъ на небѣ, такъ и на землѣ.

Священникъ Г. Петровъ.

Безплатныя брошюры для народа издаются на добровольныя пожертвованія лицъ, сочувствующихъ святой идеѣ просвѣщенія трудящихся массъ и желающихъ ознакомить народъ съ великими реформами, возвѣщенными въ Высочайшемъ манифестѣ 17-го Октября.

Всѣ добрые люди сочувствующіе этой благой цѣли приглашаются внести свою лепту на продолженіе изданія безплатныхъ брошюръ.

Пожертвованія принимаются въ типографіи „ОСНОВА" (Екатерининская ул., домъ № 17, противъ пожарной вышки).

Печатать разрѣш. полицейм. Черникъ.—Тип. „Основа" въ Екатеринодарѣ.

